

Масаев М. В.

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ КАК СИМВОЛЫ ЭПОХ

Вопрос изучения феномена парадигмальных образов как символов эпох является составной частью проблемы парадигмального образа как категории философии истории.

Под парадигмальным образом понимается такой образ, который наиболее ярко и адекватно отражает парадигму эпохи. При этом яркость такого образа абсолютна, а адекватность весьма и весьма относительна. Ибо образ - явление скорее эмоциональное. А возможность истолкования явления, не всегда рационального и не всегда логичного, всегда относительна.

Парадигмой же мы вслед за Томасом Куном считаем совокупность базисных теоретических взглядов, классических образцов выполнения исследования, методологических средств, позволяющих дать оценку той или иной научной теории, той или иной оценки человеческого общества на конкретной стадии его развития [21, с. 279].

Таким образом, парадигмальный образ - это образцовый образ (от др.-греч. “парадигма” - образец).

Новизна данной работы заключается в том, что до сих пор в прямой постановке вопроса не подвергался изучению данный феномен.

Целью данной работы является попытка исследования парадигмального образа в контексте символических памятников мировой истории, которые рассматриваются человечеством как символы эпох.

В то же время необходимо дать ответы на следующие вопросы: 1) какие новые системные качества приобретает любой парадигмальный образ философии истории, включаясь в систему общественных отношений; 2) чем определяется невидимая структура того или иного символа эпохи; 3) как в невидимой структуре символа присутствует видимый образ; 4) почему так необходимо и актуально изучение самых “символических”, “знаковых” символов?

Символом может стать любой знак или образ, включённый в определённую систему социальных (общественных) отношений. В этой системе знаки и образы приобретают новые системные качества [1], [2] и становятся символами, которые кроме видимой структуры (знак, образ) приобретают структуру невидимую, подобно слову, имеющему, по М. М. Маковскому, невидимую структуру [3, с. 73]. Эта невидимая структура и есть сущность символа, взятая сама по себе. Явлением этой сущности является знак (образ). Единство невидимой и видимой структур и есть действительность (единство сущности самой по себе и её явления) - действительность символа, так же как “действительностью” “сущности человека” является, по К. Марксу, “совокупность всех общественных отношений” [4, с. 3]. Если Г. В. Ф. Гегель и К. Маркс выделяют три сущностные категории: сущность, явление и действительность как единство сущности и явления, то армянский философ и символик К. А. Свасьян добавляет четвёртую, как единство трёх предыдущих. Поэтому парадигмой символа у него и становится четырёхгранник, тетраэдр [10, с. 89]. Не случайно система символизма представлялась Андрею Белому в виде мировоззренческой пирамиды, гранями которой должны служить наука и религия, поэзия и естествознание, философия техники и философия искусства, познание и творчество. В вершине пирамиды, по мысли Белого, сойдутся монизмы: материализм, идеализм, рационализм, позитивизм, мистицизм, при этом модуляцией послужит история философии и культуры [22, с. 6].

Наш тезис о символе как **системном проявлении знака или образа** может подтвердить и “аксиома В.Ф. Лосева” [5, с. 59], согласно которой “всякий знак получает свою полноценную значимость только в контексте других знаков, понимая под контекстом широчайший принцип” [5, с. 59].

Итак, любой парадигмальный образ философии истории, включаясь в определённую систему общественных отношений, приобретает новые системные качества, ту или иную невидимую структуру и становится символом. В значительной мере эта невидимая структура того или иного символа эпохи определяется парадигмой, которая и задаёт контуры этой невидимой структуры, в которой в снятом виде присутствует и видимый образ. Этот образ присутствует в невидимой структуре символа так, как он присутствовал в эпоху, его создавшую, и продолжает присутствовать в современности. Присутствие образа в современности особенно интересно для нас. Постигание этого феномена становится в данном контексте чрезвычайно актуальным и полезным и имеет не только научно-теоретическое, но и практическое значение.

Отошли умершие эпохи, а их символы живы, являясь нам в видимых и воображаемых образах. В египетских пирамидах (крупнейшая из которых пирамида Хеопса (Хуфу), построенная в 27 веке до н. э., имеет высоту 146,6 м.) [6, с. 1442] мы видим эпоху всесильных фараонов, в мексиканских пирамидах мы видим эпоху империи ацтеков. Отголосок неведомой нам эпохи мы видим в колоссах острова Пасхи. Рукотворную пирамиду, высота которой 6714 м. [6, с. 524], и отголосок неведомой нам космической цивилизации увидел Николай Зятьков в священной тибетской горе Кайлас [7, 10], а в воображении профессора Эрнста Рифгатовича Мундашева гигантская пирамида Кайласа, пирамиды Мексики и Египта, колоссы острова Пасхи и такие средоточия земных аномалий как Бермудский треугольник создают образ неведомой нам космической эпохи. Возможно, что отнюдь не случайно меридианы, соединяющие гору Кайлас с известными нам пирамидами, делят земной шар на равные четверти [8, с. 21].

Нотр Дам де Пари, Реймский и Кёльнский соборы, собор Святого Петра в Риме и Сан-Марко в Венеции, Софийские соборы в Константинополе, Киеве и Новгороде, Успенские во Владимире и Москве, храм Покрова на Нерли в окрестностях Боголюбова и, наконец, мечеть Аль-Акса и Храм Гроба Господня в Иерусалиме - вот образы, ставшие символами уже минувших эпох. К ним можно отнести и крейсер “Аврору”, мавзолей Ленина, монумент “Рабочий и колхозница” и т. п. Образами символов настоящей эпохи можно назвать статую Свободы в

Нью-Йорке, Эйфелеву башню в Париже и Останкинскую в Москве, хотя Останкинскую можно считать образом символов как ушедшей советской эпохи, так и настоящей. Это же можно отнести и к такому наглядному образу как московский Кремль. Интересно, что в советскую эпоху его башни долгое время венчали двуглавые орлы, а в нынешнюю эпоху их продолжают венчать рубиновые красные пятиконечные звёзды.

Символами эпох стали и литературные образы и фигуры политиков, полководцев, учёных, деятелей культуры.

Но художественные образы - предмет науки искусствоведения, а символические фигуры политиков, государственных деятелей, полководцев, учёных и деятелей искусств - предмет науки истории.

Что же остаётся философии? **Невидимая глазом, но подвластная человеческому воображению невидимая структура символов эпох, в которые превратились их образы.**

Невидимая глазом, но подвластная человеческому воображению структура символа может и должна быть понята в ходе высшего человеческого психического познавательного процесса, имя которому мышление. Только оно может постичь невидимую структуру символа. Постигание невидимой структуры символа становится, таким образом, важнейшей задачей.

Если наше понятие символа будет выглядеть несколько неубедительно, то остаётся просить обратить внимание на нашу вступительную статью к сборнику материалов прошедшей 21 апреля 2000 г. в Симферополе научно-практической конференции “Роль символа в науке, культуре и повседневной жизни” [9]. Сходное по парадигме понятие символа даёт, опираясь на И. В. Гёте, Г. В. Ф. Гегеля и Э. Кассирера К. А. Свасьян [10], [11]. Трактую “видимую” и “невидимую” структуру символа как тезис и антитезис, добавив к этому синтез и единство этих трёх ипостасей как отдельную ипостась, К. А. Свасьян даёт в качестве пространственной парадигмы символа фигуру тетраэдра [10, с. 189]. К такой же фигуре парадигмы символа можно прийти и представив символ как единство его явления, сущности, действительности и единства всех его сущностных проявлений (явления, сущности, действительности).

Тогда мировая система пирамид Н. Зятькова во главе со священной горой Кайлас становится сугубо символической. Такими же символическими становятся построенный в 1870 г. Архитектором А. А. Авдеевым Свято-Никольский храм на Братском кладбище Севастополя [12, с. 4], [13, с. 3], [14, с. 1] и храм, построенный в 1960 г. в районе площади Трёх властей г. Бразилии, ставшего в 1960 г. новой столицей самого большого латиноамериканского государства великим архитектором современности Оскаром Суарисом Филью Нимейером. Храмы эти также имеют форму тетраэдра. Интересно, что русское слово “церковь” восходит к турецкому и греческому эквивалентам этого слова, соответственно келисе и экклесия, которые, в свою очередь, восходят к названию горы Кайлас. Взгляните только на цепочку: Кайлас - келисе, экклесия, кьеса, иглесия, эглиз, игрежа, кирха, церковь. Можно дать следующее лингвистическое объяснение данной цепи: “ай” и “о” чередуются с “е” (кайласа - келисе); появившийся в греческом языке для благозвучия протез “э” чередуется с “и” в испанском, а “к” чередуется с “г” (экклесия - иглесия); в итальянском выпадает “л” (ср. бланко - бьянко) и исчезают протезы (ср. эспанья - спанья) : экклесия - иглесия - кьеса; испанскому “л” соответствует часто португальское “р” (ср. бланко - бранку); “с” чередуется с “з” (иглесия - эглиз), а “з” с “ж”, в результате: иглесия - эглиз, иглесия - игрежа, эглиз - игрежа; “ж” чередуется с “х” (игрежа - кирхе); “г”, в свою очередь, как это уже указывалось, чередуется с “к”; “к” часто чередуется с “ц” (ср. кесарь - цезарь), рука - руце (церк. - сл.), отсюда кирхе - церковь; приращение “овь” характерно для группы существительных 4-го склонения церковнославянского языка (ср. любви - любовь, свекры - свекровь и т. д.). К вышеприведенной цепи можно подключить и английское “чёрч” (кайласа - церковь - чёрч, ср. Кесарь (нем. кайзер) - Цезарь - и современное итальянское Чезаре). Примечательно, что дореволюционный профессор церковной истории В. В. Болотов в своём восьмитомном собрании церковно-исторических трудов нашел место для анализа пусть маленькой, но части этой цепи. По его убеждению, русское слово “церковь”, немецкое “кирхе” и английское “чёрч” находятся “на одной линии” [23, с. 11]. При этом он выводит русское слово церковь от древнеславянского “цркъы”, а немецкое “кирхе” (kirche) от древневерхненемецких kiricha и chirihha [23, с. 11].

Филологи уже сейчас могут объяснить все превращения этой цепочки. Философы же пока не в состоянии объяснить структурное соотношение парадигмы символа и мировой системы пирамид, а также творческих замыслов архитекторов А. А. Авдеева и О. С. Ф. Нимейера. Не будем стремиться сделать это и мы. Оставим на будущее.

Теперь же необходимо остановиться на парадигмальных образах как видимой части символов эпох.

У историков символом может стать всё. Это, например, континенты. Так, Карл Ясперс считает Азию символом “некоего мифического принципа”. “Азию рассматривают как воплощение некоего мифического принципа, который в ходе реалистического анализа распадается, переставая быть исторической реальностью” [15, с. 92]. Европа - это, конечно, бесспорный символ цивилизации. Само противостояние и противопоставление континентов также символично. Оно может стать шифром, а шифр изначально есть символ. К. Ясперс так пишет о противопоставлении Европы и Азии: “В качестве мифологического образа оно в момент решения может служить шифром, полезным лишь в том случае, если является знаком чего-то исторически конкретного и духовно ясного и не мыслится как познание целого. И таким шифром, проходящим сквозь всю историю Запада, является противопоставление: Азия - Европа” [15, с. 92].

Символами эпох могут быть страны, народы, исторические личности, исторические события, памятники материальной и духовной культуры, которые иногда и дают имя эпохе. Так, гениальные произведения слепого певца Гомера дали имя гомеровской эпохе истории Греции.

Дали свои имена эпохам и периодам истории и Наполеон, и Сталин, и легендарная Алла Пугачёва (не случайно в одном из анекдотов Л. И. Брежнев был назван “политиком эпохи Аллы Пугачёвой”), и сказочные “царь Горох”, и французский “король Дагобер”.

Но “самые символические” всё-таки “знаковые” символы, ибо именно они обладают способностью неограниченного ни пространством, ни временем распространения. Это способствует и установлению связи времён, и установлению связей между различными народами и различными географическими регионами. Не случайно авторы “Истории первобытного общества” [16] А. И. Першиц, А. Л. Монгайт и В. П. Алексеев отмечают следующее: “Археологические находки предметов материальной культуры, сравнительное изучение изобразительного и устного народного творчества, религиозных культов и т. д. показывают, что подобного рода связи подчас устанавливались на огромных пространствах. Достаточно сказать, что у племён северных окраин Евразии обнаружены отдельные следы влияния древних и средневековых цивилизаций Юга. Так, на скалах Южной Швеции и Карелии, побережья Белого моря и многих сибирских рек вплоть до Амура и Уссури есть изображения, прототипом которых могла быть только так называемая солнечная ладья, иллюстрирующая древнеегипетские представления о причинах смены дня и ночи” [16, с. 209]. Это и изображения Дендерского храма в древнем Египте, наскальные изображения в Богуслене (Швеция), Кобыстан и Смолянка под Усть-Каменогорском [16, с. 208]. Самое интересное в этих изображениях - эволюция знака солнца и появление в нём изображения креста как солярного знака, или знака солнца. Не случайно крест считают солярным знаком даже православные исследователи такие как Б. А. Успенский [17].

Б. А. Успенский не случайно писал о символике храмов, ведь храмы сами по себе - немые символы эпох, но символы весьма красноречивые. Они не только символизируют эпохи как таковые, но и их связи и преемственность. Храмы Святой Софии в Киеве и Новгороде и Золотые Ворота в Киеве и Владимире - символы преемственности Византии и Руси. Успенские соборы во Владимире и Москве - символ перемещения политического центра. А как символически в этом плане Московский Кремль! Посмотрим, что об этом пишет протоиерей Лев Лебедев в своём фундаментальном труде “Великороссия: жизненный путь” [18]: “Особенной радостью для москвичей, да и всего государства, стал Кремль с Успенским собором и другими дивными храмами! Он был замыслен и устроен во образ града Божия, монастыря. Спасские ворота Кремля поэтому были “святыми воротами”. Каждый, кто проходил через них, должен был снимать шапку и молиться. Если какой недотёпа забывался, сам народ тут же ставил его на земные поклоны перед иконой Спасителя, что имелась на башне” [18, с. 53] (Символическое название башни, “Спаская”, сохранили даже такие безбожные хозяева Кремля как В. И. Ленин, И. В. Сталин и Н. С. Хрущов - М. М.).

“С этой поры, - продолжает отец Лев Лебедев, - появляется мысль, что Москва и Россия - это “Новый Иерусалим”, средоточие Церкви Вселенской, образ Града Святого, что в Палестине, и в то же время - грядущего Града Небесного (Откр. 21, 1 - 2). Созревает тогда, но ещё не вполне выражается в слове и другое уподобление: “Москва и Россия - Третий Рим”. Эта мысль уже “носится в воздухе”. И отнюдь не по гордости русских! Промыслом Божиим так получилось, что с падением Константинополя в 1453 г. на земле не осталось ни одного Православного Царства, кроме Великороссийского. Значит, оно, волей-неволей наследует то, что духовно и политически представляли собой древние церковные центры Вселенной, - Иерусалим и Константинополь (Рим второй, или новый). Преподобный Иосиф Волоцкий нашел сему объяснение в том, что ныне Русь “благодетием всех одоле”.

И это действительно так!” [18, с. 53-54].

Символически Московский Кремль - знак, образ и символ Третьего Рима, а символически потому, что символом стал и Второй Рим, Константинополь и был, есть и остаётся символом сам “вечный город” Рим.

Как мы уже говорили, символически континенты, страны, отдельные города и регионы. Грузинский философ Мераб Мамардашвили, сожалея о грузино-абхазском конфликте, называет Абхазию символом Грузии, буквально “синонимом Грузии” [19, с. 318]. А чем не символ Сербии, её страданий как во время османского нашествия, так и во время наговских бомбардировок, Косово поле? А чем не символ Руси Киев, “мать городов русских”? Чем не символ русской славы Севастополь? Таким же символом русской славы называют Порт-Артур. А почему бы и нет? Являются же общепризнанным символом русской славы швейцарские Альпы.

Такова видимая часть символов исторических эпох, а количеству их нет числа. Их никто не считал, как никто не считал количество звёзд на небе и волос на голове.

Символически и исторические даты и события. Пятидесяти великим датам мировой истории бельгийский исследователь Жюль Шулер посвятил целую книгу. У нас она вышла в переводе известного крымского историка Д. П. Урсу [20]. Все эти даты глубоко символически. Не будем повторять их.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. нами была предпринята попытка исследования парадигмального образа в контексте изучения символических памятников мировой истории, которые человечество рассматривает в качестве символов эпох;
2. любой парадигмальный образ философии истории, включаясь в определённую систему общественных отношений, приобретает новые системные качества, ту или иную невидимую структуру и становится символом;
3. в значительной мере эта невидимая структура того или иного символа эпохи определяется парадигмой, которая и задаёт контуры этой невидимой структуры, в которой в снятом виде присутствует и видимый образ;
4. этот образ присутствует в невидимой структуре символа так, как он присутствовал в эпоху, его создавшую и продолжает присутствовать в современности;
5. Нотр Дам де Пари, Реймский и Кёльнский соборы, собор Святого Петра в Риме и Сан-Марко в Венеции,

Софийские соборы в Константинополе, Киеве и Новгороде, Успенские во Владимире и Москве, храм Покрова на Нерли в окрестностях Боголюбова и, наконец, мечеть Аль-Акса и Храм Гроба Господня в Иерусалиме - вот образы, ставшие символами уже минувших эпох. К ним можно отнести и крейсер "Аврору", мавзолей Ленина, монумент "Рабочий и колхозница" и т. п. Образами символов настоящей эпохи можно назвать статую Свободы в Нью-Йорке, Эйфелеву башню в Париже и Останкинскую в Москве, хотя Останкинскую можно считать образом символов как ушедшей советской эпохи, так и настоящей. Это же можно отнести и к такому наглядному образу как московский Кремль. Интересно, что в советскую эпоху его башни долгое время венчали двуглавые орлы, а в нынешнюю эпоху их продолжают венчать рубиновые красные пятиконечные звёзды;

6. символами эпох стали и литературные образы и фигуры политиков, полководцев, учёных, деятелей культуры;

7. но художественные образы - предмет науки искусствоведения, а символические фигуры политиков, государственных деятелей, полководцев, учёных и деятелей искусств - предмет науки истории; что же остаётся философии? **невидимая глазом, но подвластная человеческому воображению невидимая структура символов эпох, в которые превратились их образы**, но исследование данной проблемы - тема особого исследования;

8) изучение самых "символических", "знаковых" символов чрезвычайно важно и актуально, ибо именно они обладают способностью неограниченного ни пространством, ни временем распространения; это способствует и установлению связи времён, и установлению связей между различными народами и различными географическими регионами; в свою очередь это оказывает самое благотворное влияние на процесс межэтнического диалога, диалога культур и цивилизаций, обогащает нас бесценным опытом знаний, а зачастую ликвидация информационного вакуума становится важной составной частью процесса сближения народов в условиях угрозы отчуждения и обособления наций или безальтернативного преобладания какого-либо одного стереотипа, навязываемого извне так называемым "пассионарным" этносом.

Литература

1. Кузьмин В. П. Принципы системности в теории и методологии К. Маркса. - 3-е изд., доп. - М. : Политиздат, 1986. - 398 [1] с.
2. Розенталь М. М. Диалектика ленинского исследования империализма и революции. - М. : Мысль, 1976. - 520 с.
3. Маковский М. М. Язык - миф - культура: символы жизни и жизнь символов // Вопросы языкознания. - 1997. - № 1. - С. 73-96.
4. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. - Т. 3. - С. 1-4.
5. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию. - М.: МГУ, 1982. - 479 с.
6. Советский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1984. - 3-е изд. - 1600 с.
7. Зятьков Николай. Город Богов // Аргументы и факты. - 2000. - № 19 (1020). - май. - С. 10.
8. Мировая система пирамид // Аргументы и факты в Украине. - 2000. - № 24 (255). - июнь. - С. 21.
9. Масаев М. В. (в печати).
10. Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии: (критика и анализ). - Ереван: АН Арм. ССР, 1980. - 226 с.
11. Свасьян К. А. Философия символических форм Э. Кассирера: критический анализ. - Ереван: АН Арм. ССР, 1989. - 237 с.
12. Новикова М. И. Святыни народов Крыма. - Симферополь: Таврия, 1991. - 72 с.
13. Масаев М. В. Храм во имя святого Николая // Крымская газета. - 1992. - № 124. - 18 декабря. - С. 3.
14. Масаев М. В. Свято-Никольский храм Севастополя // Республика Крым. - 1992. - № 36. - декабрь.
15. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер с нем. 2-е изд. - М.: Республика, 1994. - 527 с.
16. Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества: учебник. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Высшая школа, 1982. - 223 с.
17. Успенский Б. А. Солярно-лунарная символика в облике русского храма // Тысячелетие крещения Руси. Международная церковная научная конференция "Богословие и духовность" (Москва, 11-18 мая 1987 г.). - М.: Издательство Московской Патриархии, 1989. - С. 306-310.
18. Лебедев Лев. Великороссия: жизненный путь. - СПб., 1999. - 680 с.
19. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. - 2-е издание, измененное и дополненное. - М.: Издательская группа "Прогресс" "Культура", 1992. - 416 с.
20. Шулер Жюль. 50 великих дат мировой истории / Пер. с фр., науч. ред. и примеч. Д. П. Урсу. - Челябинск: "Урал ЛТД", 1997. - 279 с.
21. Философия: учебник / Под ред. В. Д. Губина, Т. Ю. Сидориной, В. П. Филатова. - М.: Русское слово, 1996. - 432 с.
22. Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и прим. Л. А. Сургай. - М.: Республика, 1994. - 528 с.
23. Болотов В. В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. - Т. 2. - Лекции по истории древней церкви. Введение в церковную историю / Пред. А. В. Храпова, прим. А. И. Бриллиантова, А. И. Сидорова. - М.: Мартис, 2000. - XIV, 306 с.